

Министерство образования и науки РФ  
Правительство Кировской области  
Вятская епархия Русской Православной Церкви  
Институт российской истории Российской академии наук  
Вятский государственный гуманитарный университет

## **ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ**

Сборник материалов Международной научной конференции,  
посвященной памяти преподобного Трифона Вятского (1546–1612)  
г. Киров (Вятка), 22–23 октября 2010 года

Киров  
2010

УДК 2:94(470)  
ББК 86.211я431  
Ц44

*Печатается по решению редакционно-издательского совета  
Вятского государственного гуманитарного университета*

**Ответственный редактор** – протоиерей А. Балыбердин

**Редакционная коллегия:**

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, профессор, ректор ВятГГУ;  
Ю. А. Балыбердин, д-р ист. наук, доцент, проректор по научно-исследовательской работе ВятГГУ;  
А. В. Сергеев, канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета ВятГГУ;  
М. С. Судовиков, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой отечественной истории ВятГГУ

Ц44 Церковь в истории и культуре России: сборник материалов Международной научной конференции. Киров (Вятка), 22–23 октября 2010 года. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. – 427 с.

ISBN 978-5-93825-863-1

Сборник включает работы участников Международной научной конференции «Церковь в истории и культуре России», которая состоялась 22–23 октября 2010 года на базе Вятского государственного гуманитарного университета при участии Института российской истории Российской академии наук и обобщила последние научные достижения в изучении отечественной истории, источниковедения, культуры и искусства, философии, педагогики и других сфер общественной жизни, связанных с русским православием. При этом особое внимание было уделено жизни и духовному наследию преподобного Трифона Вятского (1546–1612), труды и подвиги которого тесно связаны с Вятской землей, Центральной Россией, Русским Севером и Приуральем.

УДК 2:94(470)  
ББК 86.211я431

*Благодарим за помощь в издании сборника работ  
Международной научной конференции «Церковь в истории и культуре России»  
Правительство Кировской области,  
а также*

*Константина Николаевича Долгополова и ОАО «Вятка ЦУМ»,  
Николая Васильевича Попова и Коммерческий банк «Хлынов»,  
Николая Михайловича Тихонова и Торговый центр «Красноармейский»,  
Николая Сергеевича Мурина и Кировский филиал ООО «Лукойл-Пермнефтепродукт»,  
Александра Геннадьевича Мусихина и ООО «Мостоотряд-46»,  
Михаила Александровича Золотарева и ООО «Союз-Прогресс»,  
Татьяну Васильевну Дворцову и ЗАО РИКЦ «Консультант Киров».*

ISBN 978-5-93825-863-1

© Вятский государственный  
гуманитарный университет (ВятГГУ), 2010

## Михайловский могильник – первое православное кладбище Ижевска

Михайловский могильник – первый некрополь поселения при Ижевском железодобывающем заводе в начальные полвека его существования. Было бы правильнее называть его Троицким, поскольку при кладбище была сооружена Свято-Троицкая часовня, перестроенная в 1782–1784 гг. в церковь под таким же названием. Однако после пожара 18 мая 1810 г., испепелившего практически всю Нагорную часть поселка, в т. ч. и обе церкви (приходскую Ильи Пророка и Свято-Троицкую кладбищенскую), решением командования строившегося с 1807 г. оружейного завода в лице А. Ф. Дерябина кладбище было заложено в другом месте – в 2 км к востоку (между современными улицами Советская – Красногеройская, Ломоносова – р. Карлутка), при котором уже в 1814 г. была выстроена новая каменная Троицкая церковь (архитектор С. Я. Дудин). Этот второй ижевский некрополь существовал с 1810 по 1939 г., но и его участь была предопределена: на месте кладбища в 1960–1970 гг. были воздвигнуты спортивные, учебные и жилые сооружения, а кладбищенский храм подвергся нескольким перестройкам<sup>1</sup>. В 1855 г. на пустовавшем месте бывшего кладбища, очевидно, на месте сгоревшей Троицкой церкви<sup>2</sup>, была построена каменная часовня, освященная в честь св. архистратига Михаила в память назначения его императорского величества Великого князя Михаила Николаевича генерал-фельдцейхмейстером Ижевских заводов (архитектор И. Т. Коковихин)<sup>3</sup>. В 1896 г. часовню разобрали и на ее месте воздвигли в 1897–1907 гг. Михайло-Архангельскую церковь (с 1925 г. – собор)<sup>4</sup>. В 1937 г. решением властей верхний объем собора был разобран<sup>5</sup>, в 1947 или 1948 гг. та же судьба постигла и цокольный этаж храма – была выломана большая часть кирпичной фундамента вплоть до несущей каменной подушки, как это потом выяснилось в ходе археологических и строительных работ.

За два века после прекращения функционирования кладбища о его былом существовании помнили разве что краеведы. По-видимому, впервые о нем как об археологическом памятнике сообщил в 1927 г. сарапульский врач и краевед Ф. В. Стрельцов<sup>6</sup>. Во второй половине 1980-х гг. коллекционер А. И. Сухоплюев осматривал траншею по ул. В. Сивкова и обнаружил человеческие кости и крестик из разрушенных могил юго-восточной части некрополя.

В связи с решением церкви и властей восстановить Свято-Михайловский собор были предприняты предварительные археологические изыскания. Первые рекогносцировочные раскопки в 1996 г. провёл отряд КВАЭ под руководством автора. Исследование проводилось в ЗСЗ секторе сквера, разбитого на месте снесенного собора. Вдоль З и СЗ аллей были заложены две метровые траншеи, длиной 15,5 и 16 м, соединенных экскаваторами в единый раскоп (общая площадь 63 кв. м). Под слоем дерна выявлено скопление строительных остатков разрушенного храма, мощностью более 1 м, заполнявшее и фундаментные траншеи, глубиной более 2 м с каменными плитами на дне толщиной 27–30 см. В одном месте поверх плиты сохранился слой кладки из кирпича, в основном же она разобрана полностью. Ниже, под остатками разрушенного собора, выявлены тонкие напластования от постройки Михайловской часовни. Еще ниже найдены следы поселения и 8 погребений православного кладбища второй половины XVIII – начала XIX в. Культурный слой (10–13 см) содержал кости животных и птиц, шлак, обломки железных предметов, фрагменты фарфоровых, стеклянных и керамических сосудов – следы поселения при Троицкой кладбищенской часовне и возведенной на ее месте в 1782–1784 гг. церкви. Поселение существовало с начала возникновения ижевского некрополя и постепенно было занято могилами. Позднее, когда холмики сравнялись, этот участок вновь использовался под хозяйственные нужды, что подтверждается наличием двух мусорных ям, нарушивших захоронения<sup>7</sup>.

В 2001 г. исследования ограничились закладкой 8 траншей по периметру собора общей площадью 47,2 кв. м. При этом удалось зафиксировать некоторые новые конструктивные элементы. Поселенческих слоев второй половины XVIII – начала XIX в. не выявлено, но зафиксированы прослойки от строительства Михайловской часовни. Исследованы 4 православных погребения.

В 2003 г. проведены работы на месте западной части Михайловского собора. Вскрытие котлована (около 400 кв. м) производилось с помощью экскаватора, при этом обнажилась значительная часть западного крыла фундаментов. Исследованы 4 захоронения.

Исследования сезона 2004 г. обуславливались земляными работами по воссозданию Свято-Михайловского собора на прежнем месте. Общая площадь только вскрытой экскаватором поверхности (котлован 8-угольной конфигурации, глубиной 4 м) составила 1800 кв.м. По мере вскрытия котлована проводилась гра-

<sup>1</sup> Шумилов Е. Ф. Два века «Ижмаша»: Город оружейников: 1807–1917. Ижевск, 2002. С. 91, 108, 282.

<sup>2</sup> Ижевск в фотографиях (дореволюционный период): каталог. Ижевск, 1989. С. 47.

<sup>3</sup> Православные храмы Удмуртии: справочник-указатель по документам ЦГА УР. Ижевск, 2000. С. 127.

<sup>4</sup> Там же; Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии: Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX вв. Ижевск, 2001. С. 309.

<sup>5</sup> Шумилов Е. Ф. Православная Удмуртия: История Ижевской и Удмуртской епархии. XX в. Ижевск, 1996. С. 57–59.

<sup>6</sup> Стрельцов Ф. В. Археологические памятники и палеонтологические находки Вотской автономной области // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1927. Вып. 3. С. 69.

<sup>7</sup> Макаров Л. Д. Материальная культура и погребальный обряд ижевчан второй половины XVIII – начала XIX в. (по археологическим данным) // Тезисы докладов 3-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ижевск, 1997. Ч. 1. С. 4–5; его же. Ижевск во второй половине XVIII – начале XIX вв. (по археологическим данным) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001. С. 212–216.

фическая фиксация его стенок, составившая 14 разрезов общей длиной 300,4 м. Их суммарная стратиграфия: под дерново-почвенным слоем отложился слой строительного мусора, ниже фиксировались тонкие прослойки мусора от строительства Михайловской часовни, а еще ниже – слой погребенного дерна, нарушенный 26 могилами. Определена конфигурация фундаментов собора, на которых кое-где сохранилось от 1 до 7 слоев кирпичной кладки. Начата закладка нового фундамента<sup>1</sup>.

Воссоздание храма в облике, близком первоначальному, завершилось к лету 2007 г., а 2 августа состоялось освящение новостройки Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. За это время (2006–2007 гг.) удалось обследовать 4 траншеи для коммуникаций, в которых изучены фрагменты еще 16 православных погребений. За весь период исследования некрополя с 1996 по 2007 г. изучено 58 православных захоронений.

Погребальный обряд первых ижевчан вызывает особый интерес исследователей. Предварительные разыскания этого вопроса автор уже предпринимал, используя материалы 42 погребений, изученных в 1996–2004 гг.<sup>2</sup> Дополнительные комплексы, несмотря на их малочисленность (16 могил), делают наши выводы еще более надежными. Понятно, что это лишь мизерная часть некогда существовавшего ижевского некрополя, поскольку изначально население завода было весьма многочисленным. В 1764 г. здесь насчитывалось 56 изб, а в 1766 г. – уже 130. Что же касается численности населения, то к концу 1763 г. только на заводе насчитывался 91 мастерской (в основном приезжие из других заводов), в 1768 г. – 311, а в 1770 – 2,3 тыс., в числе которых уже были выходцы из местных крепостных крестьян<sup>3</sup>. К середине 1807 г. в заводском поселении проживали около 4 тыс. жителей, а после закладки оружейного завода, к концу 1808 г., – более 6 тысяч<sup>4</sup>. В условиях высокой смертности того времени, усугубляемой тяжелыми условиями труда на заводе<sup>5</sup>, требовалось где-то хоронить умерших. Нам неизвестны точные даты ни возникновения кладбища (впервые оно появилось в источниках, кажется, на плане 1807 г.), ни постройки кладбищенской часовни<sup>6</sup>. Тем не менее и некрополь, и часовня, бесспорно, появляются вскоре после закладки завода. Как показали археологические наблюдения, захоронения сосуществовали с остатками поселенческого культурного слоя, оставшегося, по-видимому, от строительства и функционирования часовни и церкви<sup>7</sup>.

Несмотря на сравнительно небольшое количество зафиксированных захоронений, удалось выявить их расположение не менее чем в 20 меридиональных рядах, при этом взаимонарушений почти не наблюдается, что объясняется достаточно кратковременным существованием кладбища. Приблизительная площадь некрополя составляла прямоугольник размером 110х130 м.

Могильные ямы имеют широтную (прозападную) ориентацию, причем преобладают расположения умерших головой на запад-юг-запад (50,0%), запад (31,03%), менее распространены направления на юго-запад (12,07%) и запад-северо-запад (6,9%). Эта разница в ориентации могил объясняется, судя по всему, сезонными колебаниями. Очертания могил по форме подпрямоугольные, иногда расширяющиеся в сторону изголовий, стенки ям обычно отвесные, днища ровные. Установить их размеры далеко не всегда удавалось, поскольку абсолютное большинство захоронений разрушены строительными работами. Например, длина выявлена лишь у 27 могил (46,55%), а из этого числа преобладали ямы длиной в диапазоне от 101 до 150 см (9 погребений), остальные имели показатели в рамках 45–100 см (6), 151–200 см (7) и 201–252 см (5). Показатель ширины зафиксирован почти у всех ям (56): 21 и 22 из них имели его в пределах, соответственно от 41 до 60 см и от 61 до 80 см, 8 – от 21 до 40 см, 5 – свыше 81 см. Более сложное положение с определением глубин могил, так как дневная поверхность была основательно перекопана в ходе строительства Свято-Михайловской часовни и особенно собора. Тем не менее у 45 погребений (77,59%) глубина определена, причем могил мельче 80 см – 8 (17,78%), а преобладали погребения с глубиной от 81 до 160 см (32 или 71,11% от числа определенных), 5 более глубоких (свыше 161 см) составили 11,11%, в целом же разброс глубин составил от 15 до 213 см.

В 51 захоронении (87,93%) обнаружены четыре разновидности внутримогильных конструкций, в семи какие-либо признаки доминов отсутствовали (12,07%). 1. Явно преобладали никонианские сооружения-гробовища, сколоченные железными гвоздями (31 погребение, или 60,78% от числа определенных), причем в одной из могил (№ 35) были дополнительно использованы угловые оковки и скоба, а в другой (№ 15) выявлено матерчатое покрытие гроба, прибитое бронзовыми гвоздиками. 2. В 7 погребениях (13,73%) железные гвозди для скрепления досок гробовищ не использованы, т. е. здесь использовалась органика – деревянные гвозди или клинья (в трех могилах вместе с досками гробов найдены остатки деревянных «колышков», но, вероятнее всего, это не крепеж, а обычные сучки, поскольку во всех случаях здесь найдены железные гвозди), а вернее всего – лыковые (черемуховые) веревки, что характерно для обряда и современных старообрядцев-беспоповцев вер-

<sup>1</sup> Макаров Л. Д. Итоги археологических исследований Ижевска (1983–2004 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 58–71.

<sup>2</sup> Макаров Л. Д. Михайловский могильник в Ижевске (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд. дом «Наука», 2005. С. 192–195; его же. Михайловский могильник как источник по этноконфессиональной истории второй половины XVIII – начала XIX в. // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Спб., 2005. С. 108.

<sup>3</sup> Севрюков О. В. Ижевск: Краеведческий очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. Ижевск, 1972. С. 8–9; Перовщиков А. П. Ижевск: Экономико-географический и социальный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. Ижевск, 1995. С. 61–62.

<sup>4</sup> Севрюков О. В. Ижевск... С. 21.

<sup>5</sup> Там же. С. 9–13.

<sup>6</sup> Православные храмы Удмуртии... С. 131.

<sup>7</sup> Макаров Л. Д. Ижевск во второй половине... С. 213–214; его же. Материальная культура... С. 4–5.

ховьев Камы<sup>1</sup>. 3. Удалось зафиксировать остатки колод, выдолбленных из цельных стволов деревьев (10 захоронений, 19,61%) – весьма архаичный древнерусский способ погребения, сохраненный старообрядцами, но используемый и прикамскими пермянами<sup>2</sup>, правда, у последних гробовища и колоды зачастую покрывались лубом или берестой, что на этом некрополе не зафиксировано. 4. Впервые на памятнике выявлены признаки заворачивания покойных в своеобразные коконы из коры или бересты, представляющие собой в разрезе овалы (размеры двух из трех зафиксированных таких разрезов – 38 × 22 и 30 × 20 см), обычно это детские захоронения. Аналогичные погребения хорошо известны у удмуртов<sup>3</sup>, но в последнее время выявлены и у русских, например, почти все покойные на Зусвоключевском III могильнике XVI–XVII вв. были завернуты в бересту. Удалось зафиксировать три случая перекрытия могил дощатыми настилами-полотьями, а однажды (№ 30) – слоем плиток песчаника небольшого формата (10 × 15, 10 × 10, 5 × 10 и т. п.) толщиной 1–3 см. Причины появления этой традиции находятся в стадии дискуссии<sup>4</sup>. В одной из могил (№ 38) в боковой стенке могилы напротив черепа была выкопана прямоугольная ниша размером 35 × 8 см, углубленная до дна ямы, в которой найден бронзовый крест с остатками кожи (аналогичный крест располагался на левой плечевой кости также в остатках кожи с мелкими фалангами детских пальчиков). Сакральный характер этого комплекса безусловен. В одном захоронении (№ 40) на дне гробовища обнаружена подстилка из пластичного минерала белого цвета (известь?) с выступавшими капельками янтарной жидкости, толщина его – от 1 см в изголовье до 0,5 см у таза, назначение неясно (Эстетика? Санитарная функция? Сакральный смысл?).

Умершие располагались вытянуто на спине головой на запад-юго-запад, запад, юго-запад и запад-северо-запад (см. выше). Лишь в одном детском захоронении, совершенном в колоде (№ 27), кости ног были согнуты в коленях, что также не характерно для русского обряда и в историографии воспринимается по-разному<sup>5</sup>. Положение рук покойных удалось зафиксировать в 19 погребениях (32,76%), в 15 кости рук сохранились частично (28,56%), в 22 (37,93%) отсутствуют вообще (сохранились лишь нижние части костяков либо череп), 2 могилы в месте расположения рук не вскрывались. Варианты расположения рук весьма разнообразны – насчитывается 10 различных сочетаний, которые можно свести к трем группам: вытянуты вдоль тела (одно погребение); одна рука согнута, другая вытянута (2 захоронения); обе руки согнуты в локтях, предплечья покоятся в области таза, пояса или груди в разных комбинациях (16 могил).

В 23 погребениях некрополя (39,7% всех могил) обнаружены вещевые находки, преимущественно кресты-тельники. Всего найдено 23 тельника в 22 могилах, еще в одной – медный окисел от несохранившегося экземпляра. В пяти захоронениях кресты сопровождались и другими артефактами: вместе с двумя медными монетами в остатках меха и ткани под черепом (№ 3); с двумя гириковидными подвесками на шнурке в области шеи и волосистой подушкой под черепом (№ 24); с остатками головного убора-кокошника (береста, ткань, медное шитье, мех, проволока) (№ 35); с двумя проволочными сережками (одна с напускной бусиной) и височной подвеской типа «одинец» (№ 36); два крестика (один в нише) и гириковидная подвеска на остатках кожи (№ 38).

В засыпи 13 могил (30,9%) обнаружены отдельные находки, в т. ч. в двух – кости человека из разрушенных погребений, иногда вместе с остатками гробовищ (№ 9 и 18); фрагменты кирпичей ручной формовки (№ 25 и 30), явно попавшие с поверхности при засыпке ям; плитка песчаника (№ 33); фрагмент стекла (в разрезе не изучавшейся могилы) и окаменевшее дерево (7 погребений) – из материкового слоя. В верхнем заполнении двух могил (№ 1 и 38) обнаружены углистые пятна, очевидно, затёкшие сюда после пожара 1810 г. В одном захоронении (№ 28) несколько крупных кусков древесного угля выявлены в засыпи непосредственно над останками покойного – возможный отголосок некогда бытовавшего поклонения огню как пережиток обряда кремации. Во всяком случае, в древнерусских некрополях такие находки отмечены<sup>6</sup>. В одной из могил (№ 25) в ногах покойного на уровне фиксации «кокона» выявлена круглая столбовая ямка диаметром 8 см, глубиной 7 см с конусовидным дном, оставшаяся, очевидно, от надмогильного памятника. Три других ямки в двух захоронениях располагались так: у черепа (№ 35), две – в области таза (№ 37) и прямое отношение к комплексам вряд ли имели, так как явно более поздние, да и находятся не в ногах.

Таков похоронный обряд Михайловского могильника, оставленного первыми жителями Ижевского завода. Разнообразие его составляющих бесспорно, оно свидетельствует о захоронении на некрополе представителей различных этносов и конфессиональных течений: официальных православных – «никониан» (могилы значительной глубины; гробовища с использованием железа; никонианские кресты); старообрядцев (могилы

<sup>1</sup> Макаров Л. Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографоархеологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003. Т. 6. С. 207–208. Рис. 4; его же. Погребальный обряд старообрядцев Верхоямья (по археологическим материалам и этнографическим параллелям) // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Пермь, 2001. С. 42–44; На путях из Земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 296.

<sup>2</sup> Оборин В. А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. С. 268, 270; Шутова Н. И. Удмурты XVI – первой половины XIX вв.: по данным могильников. Ижевск, 1992. С. 62. Рис. 20-4.

<sup>3</sup> Шутова Н. И. Удмурты... С. 62. Рис. 20-5.

<sup>4</sup> Макаров Л. Д. Погребальный обряд славяно-русского... С. 208. Рис. 3-1.

<sup>5</sup> Там же. С. 208–209.

<sup>6</sup> Там же. С. 216–217; Фролов А. А. Пережитки язычества в древнерусской погребальной обрядности // Древняя Русь. Пересечение традиций. М., 1997. С. 286.

небольшой глубины, отсутствие железного крепежа в гробовищах; использование колод и «коконов»; староверческие кресты), новокрещеных из числа бывших язычников-удмуртов (часть колод и «коконов»; монеты в одной из могил; украшения в нескольких захоронениях). Вместе с тем отмечается и смешение традиций, например, обнаружение языческих признаков (угли в засыпи, украшения) и старообрядческих атрибутов (женский крест в погребении № 33) в никонианских погребениях.

Это закономерный итог взаимопроникновения культур в условиях проживания в одном поселении представителей различных народов с их традиционными верованиями и совместного труда на крупном предприятии. Этнический состав раннего Ижевска формировался как за счет приезжих с Урала (преимущественно русских мастеров), так и путем рекрутирования рабочих людей из числа приписных крестьян. Последние подбирались в основном среди русского населения и окрестных деревень, таких, как Ключи и Карлутка, существовавших еще до 1760 г., и более отдаленных поселений. Представителей других этносов в составе мастеровых – удмуртов, марийцев, татар и др. – было немного, они в основном привлекались на подсобные работы<sup>1</sup>. Во всяком случае, в середине XIX в. (1854 г.) из общего числа жителей (21 539 чел.) в Ижевске проживало 95,4% русских (20 554 чел.), 2% удмуртов (424), 2,1% татар (456), 0,2% евреев (37) и 0,3% иностранцев (68 чел.)<sup>2</sup>. Весьма красноречив и конфессиональный состав населения Ижевского завода: 94,7% никониан, 2,1% старообрядцев и единоверцев, 0,5% католиков и лютеран, 2,2% мусульман, 0,4% иудеев<sup>3</sup>. В какой-то мере эти данные можно экстраполировать на начало XIX в., хотя, конечно, строительство оружейного завода повлекло за собой неизбежные изменения в демографии Ижевска.

*А. С. Малахова*

### **Святые-целители в повседневной терапевтической практике Древней Руси**

В агиографической литературе образ святого воплощал такие христианские идеи, как смирение, терпеливость, самоотверженное служение Богу однако, для верующих самой привлекательной и подтверждающей святость чертой являлся божественный дар святого творить чудеса, в большинстве случаев именно чудеса исцеления. На Руси, как, впрочем, и во всем христианском мире, народное почитание обычно (хотя и не всегда) предшествовало церковной канонизации<sup>4</sup>. Я. Фридман определил «чудеса-исцеления» в группу «функциональных чудес», целью которых было сформировать и развить культ святого<sup>5</sup>.

Об исцеляющей силе чудотворцев в «Стоглаве» отмечается: «...и егда наказание праведнаго Бога гневом бывает нам за грехи наша, и мы тогда тех святых новых Чудотворцов, на помощь призываем, и творимая нам от них всяческими в земных потребах наказания Божия на милосердие претворяем их молением, и многими всякими различными недуги одержими бывшее, исцеление получихом вскоре верою от них просившее»<sup>6</sup>.

В избранных случаях способность исцелять проявлялась до смерти праведника. Преподобный Корнилий Комельский (ок. 1456–1538 гг.), основатель Введенского Комельского монастыря на юге Вологодского края, еще при жизни исцелял больных только своим взглядом, прикосновением и молитвой за больного<sup>7</sup>. Преподобный Трифон Вятский (1546–1612 гг.) неоднократно исцелял больных и бесноватых своими молитвами перед Богом<sup>8</sup>. О прижизненных чудесах чудотворцы часто просили не рассказывать, чтобы избежать людской славы<sup>9</sup>.

В народных и церковных представлениях существовали и «специализированные образы носителей чисто медицинских функций: это святые-целители, обычно с дробной специализацией»<sup>10</sup>. Один из ранних русских этнографов М. Д. Чулков отмечал, что «простолюдины... в особенных своих нуждах призывают особых святых или (обращаясь) только к образам их, думая, что только они, а не другие, могут им помочь. Например, об избавлении от зубной болезни молятся Анטיפию...; от головной боли – св. Иоанну Предтече, от лихорадки читают некую особую молитву...; о сповидениях и оспе – св. Девяти мученикам ...»<sup>11</sup>.

Культ святых-исцелителей нашел отражение в традиционных русских месяцесловах. Некоторые святые помогали только при определенных заболеваниях, от которых сами пострадали или умерли. Например, в октяб-

<sup>1</sup> Перевозчиков А. П. Ижевск... С. 32–34, 60–62.

<sup>2</sup> Васина Т. А. Культура и быт населения Камских заводов в конце XVIII – первой половине XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2005. С. 20.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 37.

<sup>5</sup> Friedman Y. Miracles, meaning and narrative in the Latin East // Studies in church history. Woodbridge: Boydell press, 2005. Vol. 41. P. 125.

<sup>6</sup> Стоглав, Собор Русской Православной Церкви, бывший в Москве в 1551-м году. СПб., 2002. С. 17.

<sup>7</sup> Житие преподобного Корнилия Комельского // РНБ, Погод. 787, 1607 г. 149 л. 150 об.

<sup>8</sup> Житие преподобного Трифона Вятского. URL: [http://saints.ru/t/21\\_prp.Trifon-Vyatskii](http://saints.ru/t/21_prp.Trifon-Vyatskii)

<sup>9</sup> См. например: Житие Ирипарха Ростовского // БДР. Т. 14. СПб., 2006. С. 504, 505; Житие преподобного Трифона Вятского. [http://saints.ru/t/21\\_prp.Trifon-Vyatskii](http://saints.ru/t/21_prp.Trifon-Vyatskii)

<sup>10</sup> Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 114.

<sup>11</sup> [Чулков М. Д.] Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч., сочиненная М. Ч. Ногинск; М., 2008. С. 152.